

АЗƏРБАЈЧАН НЕКАЈƏЛƏРИ

**И К И
Ч И Л Д Ə**

икинчи чилд

Азəрбајчан
Ушаг вə Кəнчлєр Əдəбијјати Нəшријјаты
Баку - 1961

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ РАССКАЗЫ

**В Д В У Х
Т О М А Х**

том второй

М. Ф. Хурев в аяла
Азəрбајжан Республика
КИТАБХАНАСИ

Азербайджанское
Издательство Детской и Юношеской Литературы
Баку 1961

Поэт и прозаик Микаил Мануф-оглы Раакулизаде родился в г. Баку. Начальное образование получил в дореволюционных школах, а среднее — в советское время. Окончил историко-литературный факультет Азербайджанского педагогического института.

Литературная деятельность М. Раакулизаде началась с юношеских лет. Он пишет стихи, прозу. С 1927 года М. Раакулизаде является членом Ассоциации пролетарских писателей, а затем — Союза Советских писателей.

М. Раакулизаде — признанный мастер охотничьего рассказа — пока еще редкого жанра в азербайджанской литературе.

За последние годы издательствами республики выпущено более десятка книг рассказов и стихов писателя: «Ласточкино гнездо», «Белый теленок», «Мечта», «Волшебный саз», «Сила народная», «Лебединое озеро», «Охотник Элиш и отважная Айтек» и другие.

В переводе на русский язык были изданы книги рассказов «Мечта» (1950), «Огни зажглись» (1957) и сборник сказок в стихах «Охотник Элиш и отважная Айтек» (1958).

М. Раакулизаде плодотворно работает над переводами на азербайджанский язык произведений классиков русской и мировой литературы.

ТЕЗКИ

ДВЕ «ШАХЕРЕЗАДЫ»

Советский учебный корабль «Утро» подходит к одному из портов Басрийского залива, чтобы пополнить запасы продовольствия и питьевой воды. Это было парусное судно, снабженное всей необходимой современной морской техникой: для того чтобы стать хорошим моряком, нужно, кроме всего прочего, уметь плавать под парусами, грести, уметь древними способами, по солнцу и звездам, определять местонахождение, скорость и курс корабля. Поэтому-то «Утро» чаще всего плыло под парусами. Оно походило на огромного сказочного лебедя, который плывет, подняв свои белоснежные крылья, над спокойной, сверкающей гладью моря.

Давно уже стемнело, горизонт окутала тьма южной ночи. На небе зажглись звезды. Они горели так низко, что казалось, можно достать до них — стоит только протянуть руку. Млечный путь сиял, похожий на фосфоресцирующее облако, готовое коснуться верхушек мачт.

Все замерло, не чувствовалось даже легкого дуновения ветра. Корабль как будто не двигался. Но свет, падающий на воду из паллоуплывателей и от боковых и кормовых сигнальных фонарей, а также едва слышимый шум разрезаемой форштевнем воды говорили о том, что корабль, хоть и медленно, но все-таки движется.

Море у далекого усыпанного огнями порта — темное, как небо, напоминало асфальт после дождя.

На палубе царил тишина. Не было обычного при подходе к порту шума, потому что не было на этом корабле ни купцов, спешащих сойти на берег, ни любопытных туристов, ни людей, возвращающихся на родину. Экипаж корабля составлял курсанты мореходного училища, преподаватели и воспитатели. Молодые моряки во время этого учебного плавания посетили порты, города и страны, о которых только слышали во время учебы.

Сейчас, кроме тех, кто стоял на вахте, все отдыхали. Хотя корабль находился вдали от Советской страны, он составлял ее маленькую часть, его дыхание было слито с дыханием Родины, он жил ее жизнью.

По мере того как корабль приближался к берегу, на озаренном огнями горизонте все более четко вырисовывались контуры минаретов, куполов, плоских крыш с решетчатыми перилами.

Глядя на них, на звезды, горевшие в черно-бархатном небе, на недвижимое море, на тающие в воде полосы света, Азад, отдыхавший от вахты, уносился в мечтах далеко-далеко, в мир сказок и легенд.

Он слышал и читал удивительные сказки и предания об этих местах. Теперь они оживали, переплетаясь с давними детскими мечтами. Ему казалось, что, сойдя с корабля, он вступит в мир волшебств и чудес — в мир летающих ковров, птиц, похожих на яркое опахало, пери, танцующих в прозрачных шелках, багдадских воров, карабкающихся по веревке, конец которой заброшен в небо, дивов, которые вырвались из кувшинов, драконов, сторожащих сокровищницы, полные драгоценностей...

Конечно, Азад хорошо знал, что все это — выдумки; но сказки и легенды, слышанные им в детстве, книги, прочитанные им, кинокартины будили в нем странные навязчивые мысли о тех местах, к которым они сейчас приближались.

Только как не похож пестрый сказочный блеск на действительность... Чтобы отделиться от грез, Азад включил радиоприемник, что стоял в каюте на столке около его койки. Радиоприемник был настроен на Москву.

Издали донесся звон бубенцов — словно караван приближался. К этому звону робко примешивались печальные

звуки флейты и скрипки; потом они крепли, разливались волнами, как громко бушующее море.

«Шехерезада!»

Азад любил музыку и особенно сильно — это изумительное произведение. Если в программе была «Шехерезада», — где бы ни было — по радио, в концерте — он обязательно слушал — и всегда вместе с ней, с Улькяр...

Улькяр — соседка Азада. До седьмого класса они учились вместе, в одной школе. Улькяр брала также уроки музыки и после окончания семилетки поступила в музыкальное училище. Азад же пошел в мореходное училище. В этом году оба они, окончив учебные заведения, начнут самостоятельную трудовую жизнь.

Их семьи дружили. Азад рано остался сиротой. Отец его, капитан нефтеналивного судна, погиб в годы Великой Отечественной войны. Отец пробудил в сыне любовь к своей профессии. Ребенком Азад носил только матроску. У него было много фотографий, на которых он был снят вместе с отцом, одетым во флотскую форму. С последней фотографией — на ней отец был уже в военно-морской форме — Азад никогда не расставался. Теперь эта карточка висела в овальной рамке над койкой.

Мать Азада заболела и умерла вскоре после гибели отца. И хотя Азад остался без отца и матери, он в сущности не знал сиротства. Государство позаботилось о нем: он учился и овладевал любимой профессией...

Кроме того, он очень привязался к семье Улькяр. Все свое свободное время он проводил у них. Улькяр играла на пианино. Может быть, это способствовало тому, что склонность к музыке превратилась у Азада в подлинную страсть. Вслушиваясь в божественные звуки «Шехерезады», он думал о том, что Улькяр в эту минуту сидит у радиоприемника и, по привычке, тихонько повторяет мелодию, дирижируя сама себе. Азад тоже невольно стал попевать и взмахивать рукой в такт музыке.

«Шехерезада»...

Созданная в духе восточных легенд, она как бы сливалась со сказочной южной ночью, с яркими звездами, с россыпью огней, сверкавших на горизонте, на берегу и на воде. Казалось, неземные красавицы, пленницы дивов и драконов из «Тысячи и одной ночи», рассказанных Шехерезадой повелителю правверных, освободившись из плена

и подчиняясь прекрасной мелодии, танцует на ровной глади моря, озаренные ярким светом, скользят, подобно тонким облакам, плывущим под легким дуновением ветра. Вдруг блеснула молния и прогремел гром, море вспенилось, уснувшие дивы и драконы проснулись и с ревом погнались за девушками; они хватают девушек острыми, длинными когтями, заливаются диким смехом, кричат. В этот крик, хохот и рев влетают крики совы и завывание волка...

Азад посмотрел на приемник. Ему показалось, что он нечаянно дотронулся до регулятора, «сбил волну» — теперь прорывается какая-нибудь американская станция. Крик, шум, хохот филина, — вся эта дикая разноголосица усиливалась.

Азад взглянул в иллюминатор. Только теперь он понял: корабль подошел к берегу. Визг и крики, доносились с берега, из портового рестораничка.

И странно — этот джаз тоже исполнял «Шахерезаду». Но как! Как говорят, не дай бог видеть глазами, слышать ушами...

Азад брезгливо поморщился и выключил приемник. словно боялся, что настоящая музыка может быть осквернена этой какофонией, подобно жемчужине, упавшей в помойную яму.

Потом он встал и вышел на палубу.

КРОВАВЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

К соседнему причалу подошел большой американский пароход. Он походил больше на тюрьму, чем на корабль — неуклюжее, громоздкое судно без мачт, с узкими иллюминаторами. Причал тотчас окружили солдаты. Огромные подъемные краны, скрипя цепями, поднимали с палубы и из трюмов корабля танки, орудия, части самолетов, длинные деревянные ящики и опускали их на пристань.

Хотя американцы вообще-то рекламировали свою «помощь» странам Востока, но все-таки считали, что лучше всего оказывать эту «помощь» ночью, втайне от любопытных глаз.

Длинные, широкие, толстые доски были перекинута с пристани к открытым трюмам американского парохода.

По этим доскам двигались слабые, худые люди в лохмотьях, сгорбленные под непосильно тяжелой ношей... Они таскали на пароход мешки риса, фиников, сушеных абрикосов. С тоской и ненавистью брались они за эти мешки, и кто знает, о чем они думали при этом? Может, они вспоминали о голодных и больных женах и детях, оставленных дома? Наверное, да. Их губы шептали проклятия.

Американская помощь... Какая это странная помощь, что все от нее вопят и остаются без работы! Эта помощь разоряет мелких ремесленников, превращает крестьян в нищих, лишает рабочих куска хлеба, обрекает на голод тысячи женщин, юношей и детей.

Азад не раз наблюдал, что это за помощь. Глядя на то, что творилось напротив, возле американского парохода, он вспомнил другую картину, свидетелем которой был не так давно.

В одном из восточных портов стоял огромный американский пароход. Видимо, он уже был разгружен — палуба очень возвышалась над пристанью. По ней гулял американские моряки. Они покуривали сигареты, ели апельсины, бананы и бросали кожуру и огрызки на пристань.

Поблизости толпились дети всех возрастов, закутанные в лохмотья, едва прикрывавшие тело. Трудно было отличить девочек от мальчиков — все были одеты одинаково. Волосы у всех были взлохмачены, лица черны от грязи и копоти. Они походили на озбоченных взрослых людей, на плечи которых возложена забота о доме, о семье. Даже внезапные их улыбки скорее напоминали горькие гримасы. Благодаря американской «помощи» у каждого из них остались дома безработные отцы, превратившиеся в нищих, больные матери, голодные и голые братишки и сестренки. Они не могли и думать о школе, а собирались около пристаней, вокзалов, магазинов и складов, таскали тяжелые грузы, зарабатывая деньги на хлеб. А когда не бывало работы, они попрошайничали, рылись в мусоре, выскивали что-нибудь съедобное.

Так было и теперь. Когда американские моряки бросали на пристань обеды, дети, как голодные птицы, набрасывались на них, стараясь вырвать друг у друга. Они толкались, а иногда и дрались...

Видимо, это нравилось американцам. Громко смеясь, они позвали остальных матросов на палубу и стали кидать

детям различную снедь. К пароходу ринулись дети с другого конца пристани и с соседних улиц.

Американцы бросали вниз горсти дешевых лакомств и остатки еды, а потом смотрели на драку ребят. Глядя на избитых окровавленных детей, они, очевидно, получали огромное удовольствие.

Как боксеров на ринге, они криками подзадоривали дерущихся. Они свистели, кричали, аплодировали, покатываясь со смеху...

Советские моряки, не в силах вынести это жестокое зрелище, сжав кулаки и скрипя зубами, уходили в каюты.

Азад, глядя на бедных детей, вспоминал годы своего детства. Берег Каспия, перламутровый песок. Прохладные морские волны. Белая пена на воде образует причудливые узоры. Волны ласкают загоревшие, почти бронзовые тела ребят.

Каждый год они проводили лето в пионерских лагерях на берегу Каспия или же на эйлагах в горах...

Когда Азад увидел, как цивилизованные дикари издеваются над голодными, несчастными детьми, кровь ударила ему в голову. Он закрыл глаза. Взрыв хохота и грубых выкриков заставил его вновь взглянуть на американский пароход. Огромный верзила, облокотясь о перила палубы, заревел во всю глотку, словно подзадоривал дерущихся зверей, затем изо всей силы швырнул на пристань горсть чего-то темного. Одна штука, отлетев в сторону, упала на палубу корабля, прямо у ног Азада. Это были четырехугольные плитки шоколадного цвета, похожие на карандашную резинку. Дети кинулись за добычей. Они хватали эти темные квадратик и засовывали их в рот; задние кидались на передних, и вскоре началась жестокая свалка; вопли и стоны детей смешались с пьяными выкриками и смехом американских моряков.

Затем случилось еще более страшное: тех, кто съел хоть одну плитку, стало тошнить, рвать, и вот уже многие, схватившись за животы, повалились наземь, корчась от боли. Остальные со все возрастающим страхом смотрели на своих товарищей; матросы же, потирая руки, покатывались со смеху. И тут ненависть и злоба детей к американцам прорвалась. Среди детей появился высокий юноша. Давно уже он разнимал дерущихся, что-то говорил им. Не в силах более сдерживаться, он крикнул что-то ребятам и,

подняв с земли обломок кирпича, бросил его в матросов. Ребята последовали его примеру и, забрасывая американцев камнями, стали выкрикивать:

— Убирайтесь к черту!

— Долой американцев!

— Проклятые изверги!

Матросы разбежались. Зазвенели стекла разбитых иллюминаторов. А ребята выкрикивали проклятия, осыпая палубу «американца» камнями.

С парохода прогремело несколько выстрелов. Раздались свистки. Прибежали полицейские. Дети кинулись врассыпную. Тогда полицейские, схватив раненых, потащили их за собой.

Азад поднял кусок, упавший на палубу. Это было техническое мыло — самый скверный суррогат. Американская «помощь» — подарок голодным детям...

ДВЕ СУДЬБЫ

Пока Азад и его товарищи наблюдали эту отвратительную картину, к пристани подошел маленький баркас. Он тянул на буксире громадную баржу, груженную углем. Палуба была полна грузчиками. Освещенные мощными прожекторами, установленными на пристани, они были видны так же ясно, как при ярком дневном свете. Их лица, волосы и одежда почернели от угольной пыли, сверкали только белки глаз и зубы. Нельзя было определить ни их возраста, ни национальности. Только по маленькому росту, по худобе, по тонким голосам можно было понять, что это дети. Среди грузчиков находились и скорбленные старики со свалвшимися бородами и волосами.

Когда баржа подошла, на американский пароход перекинули узкие сходы, и грузчики начали таскать уголь.

В трюме баржи — нестерпимая духота. Воздух густо насыщен угольной пылью. Мешаясь с потом, она, как мазут, стекала по лицам грузчиков. Согнувшись под тяжестью плетеных корзин, наполненных углем, они часто терли тыльной стороной руки глаза, разбедаемые угольной пылью и, теряя равновесие, начинали шататься из стороны в сторону. Надсмотрщики с толстыми бамбуковыми пал-

ками расхаживали между грузчиками и подгоняли отстающих.

Несколько человек в трюме баржи огромными лопатами наполняли корзины углем и передавали их грузчикам, стоявшим у нижних ступенек. Те, в свою очередь, передавали корзины стоящим наверху, — так корзины поднимались на палубу, где грузчики взваливали их на спины и несли к исходным американского парохода.

Сердца советских моряков обливались кровью при виде людей, готовых перенести любые муки ради куска хлеба. Кряхтя и тяжело дыша, они проходили совсем близко от палубы «Утра».

Нельзя было понять: почему таким образом шла погрузка — ведь на американском корабле имеются мощные подъемные краны. Правда, одни были заняты разгрузкой оружия, но ведь другие бездействовали! Если бы работал хоть один кран — труд десятков людей намного облегчился бы. Они наполняли бы корзины или ящики углем прямо в трюме баржи, а подъемный кран мог бы все это одним махом перенести на пароход.

Объяснил, в чем дело, помощник капитана.

— Конечно, — сказал он, — подъемные краны облегчили бы и ускорили работу. Но для машины нужна энергия. Здесь труд человека обходится дешевле. Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что, если большую часть работы будут выполнять подъемные краны, то рабочей силы почти не потребуется. А тут — множество безработных. К тому же тысячи рабочих, занятых прежде на нефтяных промыслах и нефтеперегонных заводах, теперь остались без дела, разбрелись по соседним городам; они готовы выполнять любую работу из-за куска хлеба.

— Значит, американцы обеспечивают этих несчастных работой, оказывают им «помощь»? — с горькой усмешкой спросил Азад.

— Так оно и есть. Это одна из форм американской «помощи»...

В толпе грузчиков раздался душераздирающий детский вопль. Все повернулись в ту сторону.

Худой мальчик с корзиной на спине, которая была больше, чем он сам, не в силах совладеть с непомерной тяжестью, задержался у сходней, ведущих с баржи на

пароход. Надсмотрщик так ударил его, что он, вскрикнув от боли и потеряв равновесие, зашатался и с воплем, увлекшим тяжелой корзиной, свалился в воду. Некоторые из его товарищей хотели броситься ему на помощь, но надсмотрщик, подняв палку, заорал:

— Занимайтесь своим делом! Не утонет! А если и утонет, не велика важность.

Азад с товарищами побежал на корму. На поверхность воды, между «американцем» и баржей, подымались и лопались маленькие пузырьки. Азад, а за ним его приятель Коля, как были в легкой летней морской форме, так и бросились в воду. Остальные побежали за спасательными кругами и веревочными лестницами.

Азад, нырнув, сделал несколько кругов под водой. Он нашел утонувшего мальчика, придавленного корзиной с углем. Секунда промедления — и мальчик захлебнулся бы. Но одновременно с Азадом на дно стремительно опустился Коля. Они столкнули с юного грузчика корзину с углем, подхватили его и всплыли на поверхность...

Еще через минуту они поднялись на палубу. Все столпились вокруг них. Мальчик не приходил в сознание. Он был страшно худ, и на вид ему нельзя было дать больше десяти лет. На нем не было одежды, только набедренная повязка. Хотя он и побывал в воде, с его лица, курчавых волос, ресниц и бровей так и не смылась вьезшаяся в них угольная пыль. При общей худобе суставы ног и рук казались опухшими; сквозь коричневую кожу выпирали ребра...

Надсмотрщик с «американца» и грузчики, увидев, что мальчик спасен, продолжили свое дело, как будто ничего не случилось.

А наш корабельный врач с помощью юных моряков привел мальчика в чувство. Когда пострадавший немного отдохнул, его повели в баню, постригли, искупали и перевязали раны.

Корабельный портной быстро смастерил ему одежду. Затем мальчика усадили в плетеное кресло на корме, в уголке отдыха. Молодые моряки окружили его.

Мальчик, подавленный всем случившимся, ошеломленный сердечным обращением, какого он никогда в жизни не знал, постепенно освоился; страх прошел; он уже улыбался, отвечал знаками на вопросы моряков. Но в его

улыбке было столько грусти, что она напоминала луч солнца, который лишь на одно мгновение блеснет и пропадет в зимнем мгlistом небе.

Корабельный врач не советовал сразу кормить его. Он считал, что необходимо повременить час-два после лекарства и сладкого чая. Поэтому молодые моряки хотели развлечь мальчика разговорами, но не знали, на каком языке с ним говорить. Ни по-английски, ни по-французски, ни по-русски он не понимал.

Азад и Коля, умывшись и сменив одежду, тоже понались на палубу. Тут один из молодых моряков, указывая на себя и на своих товарищей, начал называть всех по имени:

— Ваня, Коля, Рашид, Петр, Автандил...

Потом он, указав рукой на мальчика, вопросительно взглянул на него. Мальчик догадался, чего от него хотят и, приожив руку к груди, назвал свое имя:

— Азад!

Все, невольно повторив это имя, взглянули на того, кого они привыкли так называть. И маленький мальчик со всеми вместе обернулся к Азаду. Тот пристально взглянул на него. Еще недавно лицо этого несчастного мальчика было черным от ввешей угольной пыли. Теперь оно светилось радостью. На этом смуглом, несколько удлиненном лице с тонкими чертами блестели глаза, правдивые и доверчивые. Выющиеся, аккуратно подстриженные жесткие волосы обрамляли высокий лоб. Нос с горбинкой, немного загнутый книзу, напоминал орлиный клюв. Тонкие губы были плотно сжаты. Во всем облике мальчика заметны были следы не свойственных детям забот и горя.

Моряки смотрели на двух Азадов, пристально разглядывавших друг друга. Овал лица, цвет волос и глаз советского юноши и опасенного мальчика были очень схожи, но как различно было выражение их лиц!

Советский юноша смотрел на своего тезку — казалось, он увидел родного брата. Маленький Азад почувствовал это. Он сделал движение, собираясь встать, но моряк, шагнув к нему, сказал по-азербайджански:

— Азад! Тезка!

— Брат!.. неожиданно крикнул мальчик и обвил руками его шею. Эта сцена взволновала всех. Когда первое

возбуждение улеглось, тески сели рядом. Маленький Азад больше не робел, не сторонился моряков, а говорил и смеялся вместе с ними, точно давнишний друг.

Выяснилось, что жизнь его так же проста и трагична, как и жизнь десятков тысяч детей в колониальных и полуколониальных странах. Он азербайджанец. Дед его когда-то был рабочим на бакинских нефтяных промыслах. Потом участвовал в освободительном движении Саттархана и погиб в одном из боев. Отец — тоже рабочий. Когда закрыли обаданские нефтяные промыслы, он приехал сюда, в этот портовый городок, чтобы, работая грузчиком или поденным рабочим, как-нибудь прокормить семью. Мать Азада и две его младшие сестры лежали дома больные. Каждое утро отец и сын, выйдя из дому, направлялись в разные стороны, к пристани и базарам, чтобы заработать что-нибудь. Вечером каждый из них, купив на заработанные деньги немного хлеба и сыра, возвращался домой. Но очень часто они приходили с пустыми руками.

Хотя у маленького Азада были родители, но жил он хуже сироты...

Буфетчица принесла мальчику обед и поставила его перед ним на круглый столик. Здесь было все, чего только могла пожелать душа: мясной флотский борщ, жаркое с макаронами и помидорами, румяные пирожки, нарезанный ломтиками сыр, очищенные яйца, посыпанные зеленью, кусок жареной лососины, паюсная икра, пирожное...

Все знали, что бедный мальчик никогда не ел досыта, а в последние дни у него во рту и маковой росинки не было. Поэтому думали, что сейчас он с жадностью набросится на еду. Врач возражал против такого количества еды. Он боялся, что ребенок не сможет удержаться и, поев слишком много, заболет. Но кто-то из моряков принес шоколад, другой притащил конфеты, третий — консервы, четвертый — свою порцию мороженого; принесли мандарины, лимоны и много других лакомых вещей. И каждый настойчиво требовал, чтобы все это было положено на поднос. Врач вынужден был согласиться, но с условием, что они будут следить за мальчиком и не дадут ему объестся. И Азаду было дано понять, чтобы он удерживал своего маленького тезку, если тот будет слишком много есть.

Буфетчица, поставив поднос перед мальчиком, сказала:
— Кушай, сынок, на здоровье.

Маленький Азад не знал слов, сказанных ею, но очень хорошо уловил их смысл. Он смотрел на все эти яства, которых даже и во сне не видел. Крепко сжав рот, он проглотил слюну и опустил голову, не дотронувшись до еды.

— Кушай, Азад, это все для тебя, — сказал ему тезка.

Глаза маленького Азада наполнились слезами, и он с грустью взглянул на молодого моряка. Тот решил, что он стесняется, взял сочную грушу:

— Смотри, Азад, я тоже ем... Почему же ты не кушаешь, разве ты не голоден?

Мальчик уже не мог больше бороться с желанием. Он смахнул слезы и тихо произнес:

— Голоден я, брат мой, но дома у меня остались мать и сестры, они тоже голодны.

— Ты и им понесешь, Азад! Это все для тебя. Мы еще дадим тебе...

И тогда маленький Азад, взяв ломтик хлеба и кусочек сыра, стал есть, откусывая понемногу, словно у него не было аппетита.

Он взглянул на пристань и вдруг застыл с куском в руке. Потом вскочил, побежал вдоль палубы и, шмыгнув в какое-то помещение, притворил за собой дверицы.

Азад удивленно обернулся; по пристани шел полицейский, внимательно оглядывая все вокруг.

Юноша подошел к дверям, открыл их и увидел, что маленький Азад забился в самый угол.

— Ты зачем спрятался, Азад?

— Ажан¹ идет... Он арестует меня!

— Не бойся, браток, здесь никто не посмеет тронуть тебя! Идем кушать.

— Нет, я буду сидеть здесь. Увезите меня с собой.

Всхлипывая, мальчик горячо просил не прогонять его, взять с собой.

Морякам стало жаль мальчишку. Пошли к капитану — просить разрешения взять маленького Азада. Но капитан сказал, что никак не сможет выполнить их просьбу: не имеет права увезти гражданина другой страны.

Моряки передали старшему Азаду ответ капитана. Тот и без этого знал, что ничего поделать нельзя и настойчиво объяснял своему тезке:

— Ведь видели и надсмотрщик, и полицейский, что ты находишься здесь. Если они узнают, что мы увезли тебя, будет скандал...

— Тогда я уйду. И все увидят, что я ушел. А потом я брошусь в море, нырну и тайком взберусь на ваш корабль. И никто не увидит, когда и как.

— Ну, а как же твоя больная мать, отец, твои маленькие сестры? Что с ними будет без тебя?

Мальчик ничего не ответил, только тяжело и глубоко вздохнул, потом вышел на палубу и стал собираться домой — к матери и маленьким сестрам.

Морякам не хотелось расставаться с маленьким Азадом. Но это было неизбежно. Вскоре корабль должен был двинуться в путь.

Они собрали еду и одежду. Все это составило два больших узла. Затем по очереди распрощались с ним и проходили до баржи.

Капитан американского корабля и офицеры смотрели на них с палубы.

Баркас, притащивший угольную баржу, дал гудок: погрузка угля закончилась. Грузчики столпились на палубе баржи. Они видели советских моряков на пристани, но сперва ничего не поняли. Они не сразу узнали маленького Азада, одетого в чистую одежду и мало чем отличавшегося от советских моряков. И только когда он остановился у трапа и, положив на землю узлы, стал прощаться с новыми друзьями, несколько маленьких грузчиков удивленно и радостно воскликнули:

— Азад!

Тезки обнялись. Они так сильно прижались друг к другу, что, казалось, будто никогда не расстанутся.

Но вот они расстались. Маленький Азад плакал, тер глаза смуглыми кулачками. Он пытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, слезы текли по его щекам...

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, как с ясного неба падают крупные капли дождя? И слезы Азада походили на этот дождь, называемый в народе слепым.

¹ А ж а н — полицейский.

Глаза молодого моряка тоже были влажны...

Да и только ли он прослезился? В глазах других моряков, и тех, кто стоял на палубе, в глазах доброй буфетчицы, врача и даже капитана стояли слезы. Они не вытирали и не скрывали их...

Тезки расстались...

Один вернулся на светлую палубу «Утра». Другой скрылся в мрачной утробе угольной баржи, которую с воем, похожим на волчий, потянул баркас. Вскоре баржа исчезла в ночной темноте.

Азад сел у иллюминатора. Он вглядывался в морскую даль. Но ничего не видел. Перед глазами вставали две жизни, две судьбы: его судьба и судьба его тезки. Свободные дети свободной страны и несчастные сыновья угнетенной. Один — действительно Азад¹, а другой...

Бедный тезка! Что его ожидает? Опять голод, тяжелый подневольный труд, издевательства, палка надсмотрщика и... американская «помощь»...

В воде тускло отражалось мерцание звезд, и Азаду казалось, что это мерцают улыбающиеся, заплаканные глаза его маленького тезки. А потом в этих глазах сверкнули и ненависть, и злоба... Нет, он не был одинок — сотни, тысячи, миллионы глаз сверкали ожесточением... Тысячи искр сливаются в мощный луч, который пронзает ночь... И вот уже алеет заря... Скоро взойдет солнце...

...Корабль приближается к берегу. Пристань украшена разноцветными флагами. Нарядно одетые люди с букетами в руках встречают моряков. Радостные голоса братьев, сестер, друзей, товарищей смешиваются со звуками музыки. Вот и Ульжяр здесь. Она зовет:

— Азад! Азад! Азад!

Азад, протянув руки, хочет обнять ее...

— Что ты делаешь, Азад? — доносится до него голо- товарища, Коли. — Что тебе приснилось? Не слышишь горы? Твоя вахта!

Азад, моргая глазами, сперва посмотрел на Колю, потом выглянул наружу: в самом деле, утро. Время идти на вахту.

Он быстро привел себя в порядок и поднялся наверх. Пройдя в рубку управления, принял вахту. Раздалась команда:

— Тихий вперед!

Обернувшись, Азад взглянул на порт, который они покидали. Минареты, купола, финиковые пальмы, — все, что делало ночью, при обманчивом свете фонарей, таким прекрасным этот город, теперь, в первых лучах восходящего солнца, показалось безжизненным и бесцветным...

Снова раздалась команда:

— Полный вперед!

И затем:

— Самый полный вперед!

¹ А з а д — свободный, вольный.